

Г. И. Пиреева, кандидат философских наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В периоды коренных преобразований происходит обострение проблем в культурной сфере. Обнаруживается отсутствие общего языка. Кризис социальной структуры выражается в понижении планки культурных ценностей не только на бытовом уровне, но и в литературной, театральной и других сферах культурной жизни. Информация легко превращается в дезинформацию, обслуживая эгоцентричный опыт и не соотносясь с общечеловеческими смыслами. Язык обслуживает культуру, а не определяет ее.

Ключевые слова: маргинальность – это то, что находится на границе общедоступного и недоступного.

Глубинные перемены, происходящие в обществе, обострение геополитической и общественно-политической ситуации, противоречия, пронизывающие нашу эпоху, ведут, по сути, к смене типа языковой культуры и обострению проблемы идентификации. В периоды, когда «распадается связь времен», всегда актуализируется проблема понимания.

Термин «понимание» используется в двух смыслах: как фактор интеллектуальный, познавательный, но и как сопереживание, вчувствование. Сложность понимания обусловлена тем, что восприятие и поведение детерминированы стереотипами – идеологическими, национальными, сословными, половыми, сформированными у человека с детства.

Следовательно, гуманитарный аспект проблемы понимания, проблема эффективности культурного диалога как «по вертикали», то есть диалога между культурами разных эпох, так и «по горизонтали», то есть диалога разных культур, существующих одновременно, между собой.

Самая серьезная трудность заключена в переводе смыслов с одного языка на другой, каждый из которых имеет множество семантических и грамматических особенностей. Не случайно в науке сформировалась крайняя точка зрения, в соответствии с которой смыслы настолько специфичны для каждой культуры, что вообще не могут быть адекватно переведены с языка на язык.

Смысл чаще всего не детерминирован жестко словом или знаком, а может быть придан вещи или явлению в зависимости от культурного контекста, наследственной информации, времени произнесения или написания, субъектив-

ного опыта. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела.

Даже в рамках одной языковой системы смысл и понимание, как взаимозависимые культурные феномены, могут вступать в определенное противоречие. Особый интерес представляет исследование этих культурных феноменов в рамках близких и родственных языковых систем, например русской и украинской. Национальная идентификация в данном случае лежит в плоскости этнокультурной и социокультурной маргинальности.

Поскольку сам идентификационный принцип обладает свойством диахронного (от поколения к поколению) социально-культурного воспроизводства, т. е., в конечном счете, воссоздания базовых ценностей и устойчивых навыков людей, которые предопределены традицией культурного развития, социальными и духовными константами. Естественно, чем выше уровень структурной организации той или иной языковой системы, тем большее количество идентификационных подсистем в ней присутствует, вследствие чего критерии и основы самоидентификации языкового сообщества могут варьировать. Криминализация политических структур привносит в культурное языковое пространство «жаргонизмы», «ненормативную лексику» и «суржик» как определенную норму языка не только на бытовом уровне, но и в литературной, театральной и других сферах культурной жизни.

Если идентификация в той или иной степени нарушена, понижена планка культурных ценностей, это свидетельствует о кризисе социальной структуры (этнической, государственной, национальной, профессиональной и др.). Когда кризисные явления приобретают радикальный характер, создается реальный механизм деградации культуры, раскола цивилизационного поля, в крайнем случае, понижения уровня идентификации на более низкую ступень (например, с цивилизации – на нацию или этнос). Только гражданское общество с высокими культурными ценностными ориентирами может сохранить способность к саморегуляции и самовоспроизводству в рамках гражданского общества. В противном случае будет иметь место атомизация социума, ликвидация какой бы то ни было его целостности в рамках языкового пространства, появление в нем лишь временных структур, не способных к воспроизводству, не несущих стабильных социокультурных стереотипов поведения и языкового общения.

Причиной кризиса языковых структур могут стать самые разные факторы:
– иное цивилизационное влияние вследствие межэтнических контактов;

– асимметрия этнокультурных контактов, а также совмещение различных моделей социализации (традиционных и современных) в этнически неоднородном обществе;

– миграция и урбанизация, во многом обуславливающие прохождение социализации вне сферы перекрестного давления привычных культурных и поведенческих стереотипов;

– культурная дифференциация взаимодействующих социумов, в результате чего процесс ассимиляции накладывается на специфику ментальности;

– целенаправленные мероприятия, осуществляемые государством при формировании новых социальных структур; при расщеплении социума, его ценностно-смыслового ядра вследствие политической борьбы, культурных конфликтов и т. д., в результате формирования негативной комплиментарности между входящими структурными системами нижнего уровня;

– размывание целостности социума через внедрение культурной многоукладности; установление норм поведения, не соответствующих утвердившимся культурным стереотипам; возникновение новых доминантных групп с особой, не соответствующей традициям нормативно-ценностной системой;

– разрыв с привычной культурой и последующая смена ценностных ориентаций, мотивов деятельности, стереотипов поведения и мышления на индивидуальном уровне у значительной группы лиц.

Следствием и индикатором кризиса языковой структуры (групповой или индивидуальной) выступает маргинальность, которая может актуализироваться на уровне:

– статуса (формы существования);

– явления (особой субкультуры в области взаимодействия различных социальных групп);

– ситуации, складывающейся на стыке несходных форм социального быта;

– дискретности социальной регуляции поведения;

– и, наконец, разрушения этнокультурных стандартов (которое может выступать и как предпосылка нововведений в социальной и культурной сфере, и как основа деструктивного поведения).

Последний тип языковой маргинальности – этнокультурный (на уровне среды или на персональном уровне).

Этномаргинальной принято считать личность, находящуюся на условной границе между двумя или более этносами, ни в одном из которых она не признается полностью своей. Соответственно, к этномаргинальной группе или слою относятся люди, чья социализация прошла в рамках двух культур, двух систем ценностей, двух стереотипов поведения, – словом, все те, кто является носителем различных ценностно-культурных стереотипов поведения. Марги-

нальная группа, как и маргинальная личность, находясь на границе двух языковых культур, имеет идентификацию с каждой из них и одновременно утверждает собственную систему норм и ценностей. Для этой группы с ее неопределенным статусом и неустойчивым положением характерна внешняя и внутренняя противоречивость и, как следствие, потенциальная поливекторность действий. Такие группы характеризуются и превышением среднестатистического уровня по экстремальным параметрам: негативным, вроде склонности к суициду, и позитивным, типа высокой творческой активности.

Особенность мироощущения этномаргинальной личности заключается в том, что она, пребывая одновременно в двух языковых культурно-ценностных системах, испытывает психологическую раздвоенность. На практике это проявляется в использовании людьми двойных стереотипов поведения, следовании разным, порой несовместимым традициям, что на уровне субъективного восприятия приводит к лабильности и неустойчивости мировоззренческих установок и ориентаций. Оказавшись в подобной ситуации, личность желает преодолеть состояние психоэмоциональной раздвоенности; для нее характерно стремление к определенному идеалу в обществе, что часто связано с активной позицией по социально-политическим вопросам (поэтому этномаргиналы часто играют важную роль в межнациональных конфликтах).

Язык – предельно универсальный феномен. «Достоянием» культуры он становится при условии соответствия своих функций сущности и смыслу культуры – свободной, творческой деятельности людей. Она неотделима от языка как целостности. Существует бесконечное количество определенных систем взаимоотношений между данными вещами. Понятие – это, по существу, определение и напоминание словом некоей системы взаимоотношений, свойственной предмету или данному опыту... Чтобы быть эффективным, объяснять, понятие должно сразу же охватить известную систему взаимоотношений там, где это понятие применяется. Понятие, которое нельзя сразу же приложить, – ложное понятие.

Язык, «замкнутый» в себе, нейтрален, но в цивилизационном и культурном контекстах он является ложным или подлинным.

Содержащаяся в любых понятиях информация легко превращается в дезинформацию, обслуживая эгоцентричный опыт и не соотносясь с общечеловеческими смыслами. Она не ориентирует, а дезориентирует, перекрывает каналы накопления и обогащения информации о процессах, значимых для социума в целом. В результате парализуются или ослабляются коммуникативные функции языка как способа связей между людьми, и он становится орудием их разобщения и отчуждения. Такой дисфункциональный язык с библейских времен называют фарисейским.

Логические рассуждения выражаются и оформляются в языке. Логическое мышление – это вербальное мышление. В языке фиксируются и сохраняются различного рода знания. До появления письменности аккумуляция знаний шла через устную речь, посредством которой люди сохраняли, передавали из поколения в поколение и таким образом накапливали народный опыт. Письменный язык стал еще более мощным орудием аккумуляции знаний.

Но если мы постоянно «навешиваем» на предметы нашего мышления словесные «ярлыки», описываем мир словесными конструкциями и аккумулялируем знания о нем в определенном языке, то встает вопрос: ведь языки разных народов различны – нельзя ли предположить, что люди, говорящие на разных языках, должны и мыслить по-разному? Это предположение получило название «гипотеза лингвистической относительности» (по аналогии с физической теорией относительности), или «гипотеза Сепира – Уорфа» (по именам разработавших ее ученых). В физической теории относительности доказывается, что пространственные и временные параметры явлений зависят от системы координат, в которой проводится наблюдение; аналогично этому гипотеза лингвистической относительности утверждает, что картина мира зависит от языковой системы, в которой она описывается.

Согласно этой гипотезе, язык есть не просто средство выражения и оформления мыслей – он определяет ход наших мыслительных процессов и их результаты. Китаец не только говорит, но и мыслит иначе, чем англичанин, а поэтому и мир представляется ему не таким, каким видит его англичанин; французский язык регулирует и программирует мыслительные процессы одним образом, а арабский язык – по-другому, а поэтому картина мира во французской культуре – одна, а в арабской – совсем другая. Все-таки содержание наших мыслей и представлений определяется их предметом, а не языком. Если бы это было не так, то мы бы неправильно воспринимали условия, в которых живем, и не могли бы выжить в них. Мы способны ориентироваться и существовать в объективном мире лишь постольку, поскольку жизненный опыт постоянно заставляет нас исправлять ошибки нашего восприятия и мышления, когда они вступают в противоречие с ним. Мы способны развивать научные знания о мире лишь постольку, поскольку их истинность проверяется практикой, а не тем, соответствуют ли они нормам языка. Язык обслуживает культуру, а не определяет ее. Мы, овладевая сложившимся до нашего рождения языком и пользуясь им, разумеется, попадаем в зависимость от него и мыслим в системе его норм и правил. Но сам язык развивается в зависимости от культуры.

Умение наиболее эффективным образом использовать коммуникативные функции языка образует то, что называют культурой речи. Культура речи –

оценочное понятие: оно характеризует степень, в которой человек владеет языком и способен реализовать его выразительные возможности для того, чтобы придать своей речи форму, соответствующую ее содержанию и целям. Культура речи определяется двумя основными факторами: 1) соблюдением общепринятых языковых норм; 2) особенностями индивидуального стиля речи. Однако в реальной жизни существуют разнообразные формы отклонений от «правильной» речи. Просторечие – «неграмотная» речь, в которой допускаются ошибки в произношении слов, фраз и т. д. Ошибки такого рода нередко получают широкое распространение и становятся своего рода стандартами низкой культуры речи («хочут» вместо «хотят», «ложить» вместо «класть» и пр.).

В речи имеют хождение и жаргоны. Широкое распространение имеет молодежный жаргон (или сленг) – слой разговорной лексики, состоящий из «модных» словечек, которые быстро приобретают и столь же быстро теряют популярность среди молодежи. Молодежный сленг – своеобразная словесная игра, за которой скрывается стремление отделиться от мира взрослых, подчеркнуть свою самостоятельность и независимость, продемонстрировать свое превосходство перед старшим поколением в понимании жизни. Известны, например, профессиональный жаргон, «блатной» жаргон, используемый в уголовной среде (его называют также «арго»).

Высокая культура речи предполагает не только ее правильность, но и умение выбрать наиболее эффективные и уместные для данной ситуации языковые средства. Такое умение и есть подлинное искусство речи.

В наши дни для значительной части молодежи – в том числе и студенческой – характерны бедность лексики, неграмотное построение фраз, неумение четко сформулировать основные тезисы и развернуть их логическую аргументацию. Мўки, в которых рождается речь, выливаются наружу в виде обилия слов-паразитов, разного «эканья», «нуканья» и прочего звукового мусора, облепляющего подчас чуть ли не каждое осмысленное слово.

Настоящим бедствием современной молодежной (и не только молодежной) речи является мат. Ругательства представляют собой одну из форм инвективы – так называют филологи оскорбительные и непристойные обороты речи. Первоначальная и основная цель, ради которой люди стали обращаться к ним, была связана с желанием выразить свои негативные чувства и нанести адресату моральный ущерб, душевную рану. По-видимому, демонстрация или называние тайных, скрываемых частей тела и действий было оскорблением личности и производило шокирующее впечатление потому, что нарушало культурные табу (запреты). Вместе с тем инвектива выступала как самый легкий и доступный способ освободиться от давления культурных норм, снять

напряжение, вызванное трудностями их соблюдения, и получить временную психическую разрядку.

Необходимость постоянного следования нормативам культуры закономерно порождает потребность хотя бы в кратковременном нарушении их, выходе из рамок добропорядочного, размеренного повседневного «культурного поведения»; эта потребность реализуется в «карнавале» – символическом бунте против культуры.

В настоящее время сквернословие в значительной мере утратило свое первоначальное значение. Когда чуть ли не каждое второе или третье слово в разговоре является матерным, то их непристойный смысл не имеет никакого значения ни для того, кто его произносит, ни для того, кто слушает. К ним обращаются не с целью обругать, унижить, нанести оскорбление. Они либо вообще ничего не означают и употребляются «для связки», заполнения пауз, либо служат своего рода «клапанами» для выпуска эмоций, либо заменяют собою «нормальные» слова, которые говорящий просто не в состоянии найти. Насыщение речи матерщиной – это фиговый листок, лишь слегка маскирующий слабое развитие вербального интеллекта и скудость словарного запаса.

Пластика языка обнаруживается как в его роли инструмента эволюции ядра культуры – трудовой деятельности, так и ее относительно самостоятельных сфер. Понятие «богатство», вначале выражая некий вещный достаток, переросло во всеобщую социологическую и культурную категорию, прежде всего символизируя богатство человека как свободного, творческого существа. Понятие «долг», продолжая обозначать материальную задолженность, давно переросло в этическую категорию, и т. п. В таком движении язык не только выражает обновление практики, но и, формируя адекватного человека, творит ее.

Остановимся еще на одном примере – возникновении и развитии такой важной метаструктуры, как информационные языки, исходной структурой которых являются разговорные языки. Эта система, непрерывно обогащаемая новыми элементами, имеет свои, более общие законы построения и функционирования, чем законы построения любого естественного (разговорного) языка. Такое расширенное представление о языке, рассмотрение предметного языка в виде информационной структуры, способствующей развитию языков более высокого уровня есть непосредственная действительность мысли.

Сужение представлений о языке до уровня лишь естественных языков сделало бы непонятным процесс мышления и познания. Пределов познания человеком природы и, следовательно, развития мышления не видно, в то время как естественные языки в настоящее время развиваются крайне медленно. Действительно, в течение последних десятилетий на наших глазах

происходит научно-техническая революция, появляются всё новые области знаний, а сколько-нибудь существенных изменений в естественных языках за этот период не произошло. Это можно объяснить лишь тем, что, достигнув достаточно высокой степени организованности, естественные языки уже приобрели устойчивую структуру, отвечающую целевой функции (общения, познания); они в настоящее время развиваются эволюционным путем, пополняя свой словарный запас новыми терминами и уточняя (незначительно) грамматику. Устойчивость естественных языков создает благоприятные условия (базис) для развития языков более высокого уровня.

Границы между отдельными уровнями развития языка во времени в известной мере размыты, ибо на любом этапе развития человеческого мышления язык был не только средством общения, но и средством познания действительности. Поэтому элементы научного мышления появились еще в глубокой древности, когда лишь формировался предметный язык. Появление первых понятий и выражение их с помощью слова было величайшим достижением человеческого мышления, познания.

Отличительная особенность языка науки – стремление к структуриализации и формализации. Словарный состав языка науки – это совокупность фактов, законов, теорем и научных понятий, накопленных в процессе познания мира.

Высокоорганизованность языка всех уровней проявляется в «красоте» структуры, подчеркивающей глубину содержащейся в ней информации. Вершинами естественных языков являются язык Шекспира и Толстого, поэзия Пушкина и Лермонтова. Подобно этому язык науки (ее теоремы, формулы) имеет свои «законы красоты», складывающиеся из внешней простоты (радующей глаз структуры) и внутренней логической стройности, когда формула связывает в простой форме разнородные явления, неожиданно освещая светом разума сложные связи явлений (уравнения Максвелла, Эйнштейна).

В процессе познания окружающего мира человек должен был вначале освоить естественные языки, далее на их основе – язык науки и, только синтезировав их, смог сформулировать наиболее общие законы развития природы общества.

Язык как предельная культурная универсалия обусловлен объективной взаимосвязью внешнего и внутреннего мира человека. В мире культуры язык является инструментом накопления и обогащения всеобщего социального опыта в его системной целостности.

Безусловно, политика социума по отношению к маргиналам играет важную роль в контексте выбора ими значимых для себя целей. Эта политика имеет несколько устоявшихся направлений:

– социум борется с маргинальностью как неприемлемым явлением. Маргиналы как бы полностью выводятся за его рамки, в том числе и с применением репрессивного аппарата, а не только механизмов гражданского воздействия. Вырабатывается система противодействия процессу маргинализации индивидуумов и групп;

– общество легитимирует маргинальность отдельных членов, включая их далее в свою социально-политическую структуру, делает их причастными к функционированию экономических и прочих институтов.

При этом вполне осознается пограничность состояния индивидуума по отношению к культурным ценностям данного социума, что может находить выражение в выходе субъекта за пределы принятых ценностных ориентаций и языковых норм. Так, при отсутствии четких критериев идентификации себя с гражданским обществом и с социальными структурами может возникнуть негативная идентификация, основанная на неприятии существующей институциональной системы ценностей. Тем самым маргинальность становится нормой, а негативизм в восприятии существующих правил – ценностью антикультуры (анти – потому, что доминирующий ее принцип зиждется на отрицании). В данном случае вакуум позитива заменяется заимствованием из иных культурно-ценностных систем;

– маргинальность социумом игнорируется; ее развитие предоставляется стихийным процессам, без какого-либо общественно-государственного регулирования. Если данное явление достигает высокого уровня, особенно представителей умственного труда, то это начинает серьезно влиять на духовно-культурную жизнь общества.

Однако какой бы ни была позиция общества, если оно блокирует использование маргиналами общепринятых социокультурных механизмов самореализации, такие люди всегда вырабатывают новые. Общество же всегда воспринимает вновь выработанные механизмы как нарушение регуляции поведения, как десоциализацию, деформацию, эрозию.

Наиболее значимые социальные последствия имеет маргинализация интеллигенции – слоя, для которого характерны высокие образованность и уровень социальных ожиданий, развитые потребности и большая политическая активность. В условиях стабильного развития общества интеллигенция обеспечивает трансляцию языковой культуры от поколения к поколению, базовых нормативных и ценностных стереотипов и этим обеспечивает или, по крайней мере, способствует поддержанию целостности социума. В условиях же плохо управляемого движения общества к иной социокультурной, социально-экономической и политической системе именно интеллигенция формулирует и обосновывает новые типы социального поведения, языковой культуры,

которые порождаются спецификой маргинальной среды. Нисходящее социальное перемещение значительного числа ее представителей сопровождается утратой влияния на социально-экономические и политические процессы, а также потерей привычных позиций, статуса, престижа, уровня жизни. Маргинальная и люмпен-интеллигенция быстрее рвет с преемственностью языковой культуры, с цивилизационными традициями и в этом отношении оказывается двигателем разрушительных процессов.

Такое смещение ценностей прежде всего заметно в литературе. Она обращается к феноменологии «грядущего хама», само появление которого возможно в момент рокового выбора между предельной регламентацией (в том числе культурной, социальной, экономической) уходящего, отказом от регламентации во всем и неограниченными социальными экспериментами настоящего. Создаются условия для прихода во властные структуры людей из «подполья»: политического, психологического, духовного.

В заключение следует сказать, что языковая маргинальность – следствие и результат объективных противоречий общественного развития, где человек выступает как персонификация этнических, экономических, социальных и культурных отношений определенной эпохи в ее пространственно-временной локализации. Языковая маргинальность есть защитный механизм существования общественного бытия, предохраняющий его от развития по единому и, возможно, тупиковому пути, это механизм самовоспроизводящегося разнообразия. Она, в той или иной степени, присуща любым типам общества на всем протяжении человеческой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Революция и культура / Н. А. Бердяев // Полярная звезда. – 1905. – №2. – С. 146–155.
2. Голенкова З. Т. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, И. В. Казаринова // Социол. исследования. – 1996. – №8. – С. 12–18.
3. Камю А. Бунтующий человек / А. Камю // Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
4. Кондаков И. В. К феноменологии «грядущего хамства» / И. В. Кондаков // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. – М., 1999. – С. 150–163.
5. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайд // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 41–51.
6. Мацюк Р. Суржик для інтелігенції / Р. Мацюк // Поступ. – 2000. – №140 (584).
7. Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. – М., 1973. – 407 с.
8. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания (Гносеологические аспекты) / В. З. Панфилов. – М., 1977. – 288 с.

9. Петров В. В. От философии языка к философии сознания (Новые тенденции и их истоки) / В. В. Петров // Философия, логика, язык. – М., 1987. – С. 3–17.
10. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Харьков, 1892. – 228 с.
11. Упорова Г. И. Маргинальность и проблема перехода к новой системе ценностей / Г. И. Упорова // Социальный прогресс: проблемы гуманизации. – Сыктывкар, 1992. – С. 71–79.
12. Чучин-Русов А. Е. Конвергенция культур / А. Е. Чучин-Русов. – М., 1997. – 40 с.

МОВНА МАРГІНАЛЬНІСТЬ ЯК КУЛЬТУРНИЙ ФЕНОМЕН

Піреєва Г. І.

У періоди корінних перетворень відбувається загострення проблем у культурній сфері. Виявляється відсутність спільної мови. Криза соціальної структури виражається у зниженні планки культурних цінностей не тільки на побутовому рівні, а й у літературній, театральній та інших сферах культурного життя. Інформація легко перетворюється на дезінформацію, обслуговуючи егоцентричний досвід і не співвідносячись із загальнолюдськими смислами. Мова обслуговує культуру, а не визначає її.

Ключові слова: маргінальність – це то, що знаходиться на межі загальноприйнятого та неприйнятого.

LINGUISTIC MARGINALITY AS A CULTURAL PHENOMENON

Pireeva G. I.

In times of radical transformation occurs aggravation of problems in the cultural sphere. It detects the absence of a common language. The crisis of the social structure is expressed in the decrease of cultural values trims not only in everyday life but also in literature, theater and other areas of cultural life. Information is easily converted into a self-centered experience serving misinformation and does not correlate with universal meanings. Language serves culture, rather than determining it.

Etnomarginalny considered to be a person located on the conditional boundary between two or more ethnic groups, none of which it does not recognize fully their own. Accordingly, a group or layer etnomarginalny are people whose socialization took place in the framework of two cultures, two value systems, two behavior patterns – in short, everyone who is a carrier of different values and cultural patterns of conduct. Marginalized groups, as well as marginal individuals, being on the border of two linguistic cultures, is identification with each of them and at the same time asserts its own system of norms and values. For this group, with its uncertain status and unstable situation is characterized by external and

internal contradictions and, as a consequence, the potential polyvector actions. These groups are characterized by excess and the average level for extreme parameters: negative, like suicidal tendencies, and positive, such as high creativity.

Feature attitude etnomarginalny personality is that she, being simultaneously in two language cultural and value systems, is experiencing psychological dichotomy. In practice, this manifests itself in the use of people double behaviors, adherence to the different, sometimes incompatible traditions that at the level of subjective perception leads to the lability and instability of worldview and orientations. Being in such a situation, a person wishes to overcome the psychological and emotional state of duality; it is characterized by the pursuit of a certain ideal of a society that is often associated with an active stance on social and political issues (so the ethno-marginalized often play an important role in international conflicts).

Language – the phenomenon is extremely versatile. «Heritage» culture, it becomes subject to compliance with its functions, the essence and meaning of culture – free, creative activity of people. It is inseparable from language as integrity. There are an infinite number of certain systems of relationships between data items. The concept – it is essentially the definition of the word, and a reminder of a certain system of inter-relations inherent in the subject matter or this experience. To be effective, to explain the concept should immediately reach a certain system of relations where this concept is used. The notion that you can't immediately make is a false notion.

Key words: *marginal – this is what is on the border acceptable and unacceptable.*

